

А.Н. РЫБАКОВ

*ВОДИТЕЛИ
ЕКАТЕРИНА ВОРОНИНА*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р93

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Рыбаков, Анатолий Наумович.

Р93 Водители ; Екатерина Воронина : [сборник] / Рыбаков Анатолий Наумович. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 576 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-189250-0

В издание вошли два произведения Анатолия Рыбакова.

В романе «Водители» автор продолжает историю Миши Полякова — героя повестей «Кортик», «Бронзовая птица» и «Выстрел». Повзрослевший и прошедший Великую Отечественную войну Михаил Григорьевич руководит теперь автобазой в небольшом городке Загрязске. За роман «Водители» Анатолий Рыбаков в 1951 году был удостоен Сталинской премии в области искусства и литературы.

Роман «Екатерина Воронина» повествует о нелегкой судьбе сильной советской женщины, ставшей после войны начальником участка волжского порта.

УДК 821.161.1-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-189250-0

© А. Рыбаков, наследники, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ВОДИТЕЛИ

Глава первая

Вертилин свободно расположился в потертом кожаном кресле, единственном в маленьком кабинете Полякова, если можно назвать кабинетом этот угол канцелярии, отгороженный фанерной перегородкой. Стояли здесь еще два стула, стол, за которым сидел Поляков, шкаф с чертежами и автомобильными деталями на полках. У двери рукомыльник, рядом с ним полотенце и синий в масляных пятнах комбинезон.

— У меня есть резолюция товарища Канунникова, — сказал Вертилин, — но, — он улыбнулся, — вы хозяин, вам и решать.

Улыбка как нельзя больше шла ко всему его облику крупного, полного сорокалетнего мужчины, благодушного и деловитого. На нем был серый в полоску костюм. Открытый ворот рубашки молодил холеное лицо с чистой кожей, ясным лбом, уходящим в залысину, и голубыми приветливыми глазами.

— Покажите резолюцию, — сказал Поляков.

— Резолюция довольно туманная. Если все резолюции так пишутся... — Вертилин протянул записку, вздохнул и стал украдкой разглядывать Полякова.

Перед ним сидел человек лет тридцати пяти, с сухощавым энергичным лицом. Зачесанные на косой пробор черные волосы тронуты на висках первой сединой, без которой это мужественное лицо могло бы показаться несколько грубоватым. Синяя рубашка с темным галстуком свободно облегла широкую грудь и сильные плечи. Почерневшие складки кожи на широких ладонях и крепких пальцах свидетельствовали о долголетней шоферской практике. Хорошо знакомый Вертилину тип начальника гаража, «хозяина» небольшого предприятия. Пытаясь предупредить отказ, Вертилин сказал:

— Конечно, пять-шесть машин не делают погоды: кирпича надо перевезти несколько миллионов штук. Тут нужна сотня машин, и скоро подойдет моя автоколонна. Но пока надо начать вывозку, наряды пропадают.

Поляков возвратил бумагу Вертилину:

— К сожалению, помочь не могу.

— Такая мелочь, пять-шесть машин...

— Все машины уже распределены.

Поляков встал. Вертилин тоже поднялся. Но он был не из тех, кто быстро уходит. С хорошо разграниченным недоумением он спросил:

— Что же мне делать?

— Добейтесь решения облисполкома. Пусть у кого-нибудь снимут и дадут вам.

— Решения мы добьемся. Но пока будут решать, я навигацию упущу. Нам, приезжим заготовителям, все это не так легко пробивать.

Поляков молчал. У него действительно не было свободных машин.

— Будем говорить как хозяйственник с хозяйственником, — веско проговорил Вертилин. — Помогите мне — я помогу вам. Нуждаетесь в строительных материалах? Кроме того, плачу наличными. Я знаю, что такое для предприятия наличные деньги в кассе.

Поляков поднял глаза, внимательно посмотрел на Вертилина.

— Не поймите меня превратно, — продолжал Вертилин. — Закон есть закон, но существуют мелочи, которые закон не в силах предусмотреть, приходится как-то изворачиваться.

Он искал взаимного понимания, когда возникшая симпатия решает дело.

— Напрасно вы теряете время, — сказал Поляков. — Свободных машин нет.

Наступило молчание. Вертилин не уходил. Черт возьми! Он не от себя пришел, а от крупной государственной стройки. На минуту он забыл о действительной причине своей назойливости. Волнение сообщило его голосу искреннюю проникновенность:

— У вас есть, конечно, основания отказывать мне. Но не случилось ли и вам быть в моем положении? И не думали ли вы тогда, что если бы люди отнеслись к вам по-человечески, то помогли бы.

— Все это так, — ответил Поляков, — но мы недодаем на линию много машин. И за это нас бьют.

— Еще за пять машин не повесят, — сразу повеселел Вертилин. Ему казалось, что он задел в душе Полякова какую-то живую струнку и этим испра-

вил промах, который сделал, заговорив об оплате наличными деньгами.

— Для того чтобы выделить вам эти пять машин, их надо у кого-то отнять, — сказал Поляков. — Этого делать я не имею права. Самое для вас верное: пригнать сюда колонну и ни от кого не зависеть.

— Ну что ж. — Вертилин взял шляпу, перекинул через руку макинтош. — Нет так нет. А все же я буду вам надоедать. — Он улыбнулся в знак того, что они расстанутся если не друзьями, то хорошими знакомыми.

— Заходите. — Поляков тоже улыбнулся, обнажив два ряда крепких белых зубов. Казалось, будто он улыбался не шутке Вертилина, а своим собственным мыслям.

Двор, куда вышел Вертилин из конторы, был обнесен новым забором, ворота обиты железом, проходная будка выкрашена зеленой краской. Вокруг помоста для мойки машин не было обычной лужи: вода уходила в специальный сток. Из-за красных, потемневших от времени кирпичных стен мастерской доносился глухой шум производства: удары молота по железу, рокот моторов, шипение электросварки. Возле гаража стояли три грузовика; вокруг них хлопотали шоферы, готовясь в рейс. Хорошие машины! Чисто вымытые, свежеевыкрашенные, с застекленными кабинами. У автобазы — лучшие машины в городе.

Во всем ощущалась крепкая хозяйственная рука. Порядок Вертилин увидел даже в том, как старичок сторож, наморщив лоб, проверил отметки в про-

пуске, затем предупредительно открыл дверь и козырнул.

Неожиданный отказ Полякова расстраивал тщательно обдуманый Вертилиным план. В этом плане автобаза занимала место не главное, но существенное: ей предстояло служить ширмой, за которой разыграется сама комбинация.

Случай помог Вертилину. Выйдя из проходной, он столкнулся со снабженцем автобазы Смолкиным.

Полнота не мешала этому румяному молодому человеку, в новеньком защитном кителе и синих брюках навывпуск, быть крайне подвижным и деятельным. Сейчас он шел быстрой походкой, присущей людям, которые всегда торопятся без всякой к тому причины.

— А я только от вас! — воскликнул Вертилин, останавливаясь посреди тротуара и широко разводя руками.

Изобразив на лице не меньшую радость и выказывая крайний интерес к Вертилину и его делам, Смолкин спросил:

— Были у Полякова, все в порядке?

— Не совсем, — ответил Вертилин, всматриваясь в плутоватое лицо Смолкина.

— Неужели отказал? — испуганно спросил Смолкин и даже схватил Вертилина за руку.

— Да.

— Не может быть?!

— Как видите, — ответил Вертилин, легонько освобождая руку.

— Странно. — Смолкин покачал головой.

— Мне с ним и поговорить толком не удалось. Народу в кабинете полно.

— У него всегда сутолока, — подтвердил Смолкин, знавший, что Поляков никогда не принимает сразу нескольких посетителей.

— А поговорить есть о чем, — многозначительно произнес Вертилин, не сводя со Смолкина оценивающего взгляда.

— Ничего, — успокоил его Смолкин, — все наладится, забегите как-нибудь, потолкуем.

— Мы можем встретиться сегодня, — сказал Вертилин.

— Когда?! Кончаю я поздно, надо домой заскочить, пообедать.

— Вот и поужинаем.

Вечером они сидели за столиком летнего ресторана на веранде, увитой побегами дикого винограда. Внизу, по аллеям сада, двигались толпы гуляющих, скрываясь и вновь возникая в свете редких фонарей. На танцевальной площадке играл духовой оркестр, заглушая звуки оперетты, доносившиеся из летнего театра.

Вертилин изучал меню. Официант стоял перед ним в позе той небрежной почтительности, которой официанты показывают посетителю бессмысленность его долгих размышлений. Смолкин громко переговаривался со своими многочисленными приятелями, сидевшими за соседними столиками, оглушительно смеялся и, не задумываясь, обещал Вертилину все устроить. При этом он делал пренебрежительный жест рукой, как бы говоря:

«Все это для нас пустяки!»

Вертилин, сам снабженец, знал цену подобным обещаниям. Говорить надо по-деловому. Во-первых, он может помочь автобазе со стройматериалами; во-вторых, у него кое-какие связи в Москве; в-третьих...

— ...В-третьих, — перебил Смолкин, поднимая рюмку, — должны мы поддерживать друг друга или нет? За успехи!

Выпив и закусив, Смолкин продолжал:

— Подумаешь, пять машин! Все это решает начальник эксплуатации, а мы с ним живем — во! — Смолкин сжал ладони одна в другой.

— Значит, договорились? — сказал Вертилин. — Я постараюсь быть вам полезным.

Смолкин поморщился. Ничего базе от Вертилина не нужно.

— Мне надо начать вывозку немедленно, — напомнил Вертилин.

— Не задержим. Передайте заявку мне, я сам все оформлю. Послезавтра можем встретиться в Росснабсбыте. Часа в два вас устраивает?

— Вполне.

Играет ли Вертилин в преферанс? Есть партнеры. И бильярд в городе неплохой, возле ресторана «Восток».

Но Вертилину нужна была автобаза, а не преферанс и бильярд.

— Как вам работается на базе? — заранее делая сочувственное лицо, спросил он.

— Не говорите! — сокрушенно сказал Смолкин. — Автомобильное снабжение! — Он поднял

вилку. — Пять тысяч наименований деталей, номенклатурка — дай бог!

— Сколько вам платят? — спросил Вертилин и, услышав ответ, качнул головой: — Не густо.

— Ставки у нас мизерные, — подхватил Смолкин, — рядом, на станкостроительном, ставка вдвое больше, работы в три раза меньше.

— Перейдите.

— Привычка, черт бы ее побрал! На автобазе ценят, понимаете: знают, как все достается.

— С вашим директором работать, видно, не легко, — сказал Вертилин.

— Человек с характером! — согласился Смолкин. Потом добавил: — Да ведь в его должности без этого нельзя. Живем в областном центре, у всех на виду, над нами сто хозяев, все командуют, все рвут на части.

— Говорят, он не ладит с управляющим трестом, — осторожно заметил Вертилин.

Смолкин на секунду скосил на него глаза, потом уверенно произнес:

— Что вы! У них с Канунниковым наилучшие отношения.

«Ну, брат, я про это тоже кое-что знаю, — подумал Вертилин. — Хоть и хитер ты, да не очень».

Яростно разжевывая шашлык и поглощая пиво, Смолкин разглагольствовал о разных пустяках, нимало не заботясь, интересно ли это Вертилину. А тот с удовлетворением думал, что Смолкин звезд с неба не хватает и прибрать его к рукам будет не трудно.

— Кстати, наряды на кирпич у вас майские? — спросил вдруг Смолкин.

Вертилин насторожился.

— Да. А что?

— Если майские, значит, у нас больше оснований дать вам немедленно машины.

— Пожалуй, — согласился Вертилин, но про себя отметил: вопрос задан не зря, этот краснощекий весельчак не так уж прост.

Вертилин задумчиво погладил ножку бокала.

— Только, пожалуйста, не задержите меня с машинами.

— Какие могут быть разговоры?! Доложу хозяину, и все в порядке.

— Еще как он посмотрит!

— Что же вы думаете, он не понимает, что к чему?

«Сообразительный парень», — решил Вертилин.

Он оплатил счет без особого сожаления. Эти деньги не пропадут.

Глава вторая

Наступил тот поздний час, когда в конторе никого нет, помещение убрано, на столах чисто и телефон мирно дремлет, поникнув черной трубкой.

Из-за стены, отделявшей кабинет от гаража, слышалось рычание моторов, из диспетчерской доносились голоса шоферов, сдающих путевки, и кондукторов, считающих выручку. Машины возвращались с линии, и в окне то и дело возникали молочные полосы света. Они освещали склонившуюся над таблицей голову Полякова, его твердо

очерченный профиль, карандаш в сухих крепких пальцах. Он рассматривал отчет о работе автобазы.

Экономист Леонид Иванович Попов сидел в знакомом уже читателю кожаном кресле. Стекла больших очков в роговой оправе не могли скрыть напряженного и беспокойного взгляда, следившего за карандашом Полякова. Весь его вид как бы говорил: «Делайте как вам угодно. Я человек подчиненный, и я молчу».

Попов считал главным достоинством экономиста умение составить отчет «вовремя и хорошего качества», то есть представить работу своего предприятия в наилучшем виде. Он не извращал цифр, но умел подчеркнуть лучшие, не скрывал недостатков, но акцентировал успехи. И теперь, когда автобаза перевыполнила апрельский план, Леонид Иванович построил отчет так, чтобы он отвечал на вопрос: «Каким образом автобаза достигла такого результата?» Для этого он на все лады анализировал работу пассажирского транспорта, по которому план был перевыполнен, оставляя в тени грузовой, едва-едва вытянувший программу.

Поляков поступил наоборот: все внимание он уделил грузовым перевозкам, и Леонид Иванович понял — отчет придется переделывать. Он представил себе картину заседания в тресте. Кануников скривит губы в злой усмешке: «Опять себя для битья выставляете?! Что ж, получайте». И получат!

И поделом, раз сами напрашиваются!

Его мрачные мысли были прерваны коротким замечанием Полякова:

— Из ста пятидесяти машин в среднем работало только сто двадцать.

— Новые машины не стояли бы.

Этот ответ означал: «Надо не возиться со старым барахлом, а добиваться новых машин».

— Машины слишком долго стоят под погрузкой и разгрузкой, — продолжал Поляков.

Что мог возразить Леонид Иванович? Разве Поляков сам не понимает? Машины работают в городе, на коротких расстояниях, вот и стоят много времени под погрузкой и разгрузкой.

Но напоминать об этом Леонид Иванович считал бесполезным. Только заметил:

— Зато обратите внимание, Михаил Григорьевич: семьдесят два процента с грузом. Это же неслыханно на городской работе!

Поляков отложил в сторону карандаш и посмотрел на Попова.

— Вы видите семьдесят два процента груженого пробега, а я вижу двадцать восемь процентов порожнего. Отчет — это не мармеладка, а пиллюля: чем она горше, тем лучше действует.

Он встал, собрал со стола испещренные заметками ведомости, протянул их Попову.

— Берите. Послезавтра на производственном совещании доложите весь материал. Покажите каждому, сколько убытку приносит его плохая работа.

Леонид Иванович, расстроенный, вернулся в контору. Начальник эксплуатации Степанов кивнул на дверь кабинета:

— Один?

В ответ Леонид Иванович буркнул:

— Иди.

— Будет концерт, — сказал Степанов, поднимаясь и подбирая бумаги.

— Что такое?

— Тракторсбыт шесть машин прогнал порожняком!

Тревога Степанова оказалась напрасной.

Поляков молча прочел докладную записку шоферов, а утверждая разнарядку, красным карандашом вычеркнул Тракторсбыт. Не давать машин!

— Как бы скандал не вышел, Михаил Григорьевич, — предупредил Степанов.

— Не давать машин! — коротко произнес Поляков.

— Слушаюсь.

Взгляд Полякова задержался на одной строчке ведомости:

— Почему включен Стройтрест? Он расплатился?

— Звонил Жуков...

— Он расплатился?

— Нет.

— Почему вы включили его в разнарядку?

— Вас как раз не было, Михаил Григорьевич, звонил Жуков — председатель горсовета, потом товарищ Канунников звонил. Приказывали обязательно занарядить Стройтресту десять машин.

— Ну и что же?

Степанов развел руками:

— Председатель горсовета...

Поляков вычеркнул в разнарядке Стройтрест. Раздался телефонный звонок. Поляков поднял трубку, узнал голос управляющего Автотрестом Канунникова.

— Михаил Григорьевич? Здорово!

— Здравствуйте, Илья Порфирьевич.

— Как дела?

— Ничего.

— Ничего, говоришь?

— Ничего.

— Слушай, Поляков, сам проследи. Машины Стройтресту чтобы без всякого опоздания подать! Что, брат, сегодня на облисполкоме было! Я говорю: «Закидаем машинами, только возите». Приказано десять машин им выделить.

— Не могу, Илья Порфирьевич. За ними сто восемнадцать тысяч задолженности.

— А... До сих пор не расплатились?

— Нет.

— Вот черт, совсем упустил из виду. Закрутишься с делами, забудешь, как самого зовут. Ну ладно. Завтра мы им машины дадим, а послезавтра посмотрим. Доложу облисполкому.

— Не могу, Илья Порфирьевич. Есть приказ: должникам не возить.

— Знаю, знаю, но ничего на этот раз не попишешь. Придется выделить.

— Не могу.

— А я приказываю!

— Дайте официальный приказ: «Несмотря на наличие задолженности, машины Стройтресту выделить».